Acta Linguistica Petropolitana. 2021. Vol. 17.1. P. 306–338
DOI 10.30842/alp23065737171306338

Клитика *ҫə* в малокарачкинском говоре чувашского языка: копула, показатель ретроспективного сдвига, фокусная частица

Е. А. Романова
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);
pinknoiseontv@gmail.com

Д. А. Сапарова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия); dashasaparovaa@gmail.com

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются контексты употребления клитики *ҫə*/*ҫё* в малокарачкинском говоре чувашского языка. На материале полевых данных нами были выявлены значения, которые дает клитика *ҫə* / *ҫё* при присоединении к разным глагольным формам и именам: копула прошедшего времени при неглагольной предикации, показатель плюсквамперфекта, прямозасвидетельствованный имперфектив, показатель, употребляющийся при ирреальном и контрфактивном условии, оптатив, пермиссивный вопрос, а также контрастивный фокус при прямой засвидетельствованности.

Ключевые слова: чувашский язык, неглагольная предикация, контрастивный фокус, плюсквамперфект, ирреалис, контрфактивное условие, пермиссивный вопрос.

Благодарности: Работа поддержана грантом РФФИ № 20-512-14003 АНФ-а «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

© Е. А. Романова, Д. А. Сапарова, 2021

Clitic *ҫə* in Maloe Karachkino dialect of Chuvash: A copula, a retrospective shift marker, a focus particle

E. A. Romanova
Independent researcher (St. Petersburg, Russia); pinknoiseontv@gmail.com

D. A. Saparova
HSE University (St. Petersburg, Russia); dashasaparovaa@gmail.com

Abstract. In this paper, we consider the distribution of the clitic *ҫə* / *ҫё* in the Maloe Karachkino (Poshkart) dialect of Chuvash. The study builds on data collected during the field trips to Maloe Karachkino village in 2017–2019. We identified a wide range of functions with this marker. In this paper, we separately consider the usage of *ҫə* in non-verbal and verbal predications. In non-verbal predications, the clitic *ҫə* performs the function of a copula of the past tense. It can attach to non-verbal predicates or to the verb *pol-* 'be', with its usage in both contexts only limited to direct evidentiality contexts. This marker can also attach to both the predicate and the focused phrase. Our analysis of the distribution of the clitic in verbal predications shows that in Maloe Karachkino Chuvash, when attached to verb forms the marker *ҫə*, can be used in a wide range of contexts that are usually associated with a marker of retrospective shift in the languages of the world. We identified the following functions: the pluperfect marker, the discontinuous imperfect marker, the marker used in the protasis and apodosis of irrealis and counterfactual condition clauses, the optative marker, and the permissive question marker. We established that the clitic can stand after the predicate or occupy the Wackernagel's position (i.e. be attached to the first phrase in the clause). When attached to a non-predicative component, *ҫə* can express contrastive focus (in direct evidentiality contexts) or optative meanings. Our findings also show that there can be more than one *ҫə* in one sentence.

Keywords: Chuvash, non-verbal predication, contrastive focus, pluperfect, irrealis, counteractive conditional, permissive question.

1. Введение

В настоящей работе рассматриваются функции клитики *ʨə* / *ʨë*[1] в малокарачкинском говоре (далее МК) чувашского языка. В литературе отмечается несколько функций данного показателя. Со времен грамматики Ашмарина [Ашмарин 1898] в литературе [Левитская 1976; Павлов 1957] в разных терминах выделяются следующие функциональные зоны, охватываемые этим показателем[2]:

— копула прошедшего времени при неглагольной предикации;
— давнопрошедшее категорическое [Павлов 1957: 197];
— прямозасвидетельствованное давнопрошедшее;
— оптатив;
— показатель, используемый в протазисе и аподозисе условных конструкций;
— смягчающая приимперативная частица.

В МК дистрибуция частицы *ʨə* частично отличается от описанной выше. Во-первых, частица не выступает в качестве приимперативной (ср. примеры (1) и (2)).

литературный чувашский

(1) *Хула-на* *кай-ăр=ччĕ*[3].
город-OBJ ехать-IMP.2PL=COP_PST
'Поезжайте-ка в город'.

(2) **xola-ja* *kaj-ər=ʨə*
город-OBJ ехать-IMP.2PL=COP_PST
Ожид.: 'Поезжайте-ка в город'.

---

[1] В литературном языке этот показатель всегда содержит переднерядный гласный, тогда как в исследуемом говоре подчиняется сингармонизму.

[2] Данные в статье о литературном чувашском основаны на описаниях в литературе [Ашмарин 1898; Павлов 1957; Левитская 1976; Savelyev 2020], а также опросе носителей. Если при примере не указано обратное, он получен авторами от носителей.

[3] В настоящей статье примеры из литературного чувашского записываются кириллицей в традиционной орфографии.

Во-вторых, как будет показано в статье, в МК у клитики *ҫə* были зафиксированы не описанные в литературе значения пермиссивного вопроса и контрастивного фокуса.

Работа структурирована следующим образом. В *Разделе 2* мы рассмотрим показатель *ҫə* при неглагольной предикации. *Раздел 3* посвящен функциям клитики при глагольной предикации. В *Разделе 4* мы рассмотрим употребление *ҫə* в качестве маркера контрастивного фокуса. В *Разделе 5* рассмотрены позиции копулы. *Раздел 6* завершает работу и кратко суммирует основные выводы.

2. Неглагольная предикация

Как отмечает Н. И. Ашмарин [Ашмарин 1898: 338], в чувашском языке есть «особый глагол-существительный (Verbum Substantivum)» *ҫə*, который употребляется только в застывшей форме 3 л. ед. ч. прошедшего времени с референцией ко всем лицам и числам, ср. примеры (3а–е).

(3) а. *jep* *xitre=ҫë*
я красивый=COP_PST
‘Я была красивой’.

б. *es* *xitre=ҫë*
ты красивый=COP_PST
‘Ты была красивой’.

в. *vəl* *xitre=ҫë*
он красивый=COP_PST
‘Она была красивой’.

г. *per* *xitre=ҫë*
мы красивый=COP_PST
‘Мы были красивыми’.

д. *ser* *xitre=ҫë*
вы красивый=COP_PST
‘Вы были красивыми’.

e. *vəzam* *xitre=ʦë*
они красивый=COP_PST
‘Они были красивыми’.

Согласно [Левитская 1976: 59], клитика *ʦə* (**eli* > **ilə* > ***ʦə***) восходит к форме 3 л. прошедшего категорического времени древнетюркского глагола **i-* < **e-* < **er-* со значением ‘быть’, который не представлен в современном чувашском в качестве корневой морфемы[4].

Показатель *ʦə* маркирует неглагольный предикат, конкурируя с формами прошедшего времени копулы *pol* ‘быть’, см. пример (4).

(4) а. *petʲə* *toxtər=ʦə*
Петя врач=COP_PST

б. *petʲə* *toxtər* *pol-za*
Петя врач быть-CV_SIM
‘Петя был врачом’.

Следует отметить, что в чувашском для выражения прошедшего времени используются различные формы. В данном разделе будет рассмотрена только одна форма — деепричастие одновременности на *-sa*/*-za*/*-se*/*-ze,* которое в МК может употребляться финитно (как и в других северо-западных говорах чувашского языка, [Сергеев 1963])[5].

В случае присоединения *ʦə* к неглагольному предикату обязательно условие прямой засвидетельствованности, понимаемой в соответствии с [Плунгян 2001, 2004], ср. пример (5):

(5) *jɨdə* *oram-ra=ʦə*
собака улица-LOC=COP_PST
i. ‘Собака была на улице’. {Я это сам видел.}
ii. *‘Собака была на улице’. {Я сам этого не видел.}

---

[4] Л. С. Левитская возводит к глаголу **i-* < **e-* < **er-* в отрицательной форме причастия на *-r* также показатель именного отрицания *mar* [Левитская 1976: 59].

[5] В литературном чувашском деепричастие на *-sa* не может использоваться в качестве вершины независимой предикации.

Стоит отметить, что деепричастие на *-sa* не требует прямой засвидетельствованности, ср. пример (6):

(6) *jɨdə* *oram-ra* *pol-za*
собака улица-LOC быть-CV_SIM

i. ‘Собака была на улице’. {Я сам это видел.}
ii. ‘Собака была на улице’. {Я сам этого не видел.}

В *Таблице 1* показаны условия употребления клитики *ʦə* при неглагольной предикации.

Таблица 1. Неглагольная предикация

Table 1. Non-verbal predication

Связка	прямая засвидетельствованность	косвенная засвидетельствованность
ʦə (COP_PST)	OK	*
pol-za (быть-CV_SIM)	OK	OK

Таким образом, для формы на *ʦə* возможна одна альтернатива, в то время как для формы на *-sa* — обе.

3. Глагольная предикация

В данном разделе мы будем рассматривать функции клитики *ʦə* при глагольной предикации. Согласно нашим и литературным данным, в МК данная клитика выступает в контекстах, которые обычно в языках мира ассоциируются с показателем ретроспективного сдвига [Плунгян 2001].

Согласно [Плунгян 2001: 72], под явлением ретроспективного сдвига понимается присоединение к самостоятельной глагольной форме особых вторичных модификаторов («ретроспективизаторов»), которые смещают ситуацию с определенной временной соотнесенностью по временной оси в прошлое. В результате такого

присоединения «ретроспективизаторов» можно наблюдать различные семантические эффекты. В зависимости от временной локализации к ним относятся: перенос ситуации в некую зону «сверхпрошлого» с центральными значениями предшествования в прошлом, а также отдаленного и «прекращенного» прошлого. В иных случаях ретроспективный сдвиг переносит ситуацию в так называемую «антирезультативную» семантическую зону, в результате чего появляются значения ирреального условия, дуратив, оптатив, пермиссивный вопрос.

В ранних работах по чувашскому языку функционал показателя ретроспективного сдвига подробно не рассматривался. В литературе указывается, что клитика *=ччĕ* в литературном чувашском возможна в сочетании со следующими глагольными формами индикатива: «прошедшее неопределенное», «давнопрошедшее категорическое», «прошедшее несовершенное» [Павлов 1957: 195–201].

В МК присоединение *ҫə* допускают формы непрошедшего времени (NPST), деепричастия одновременности (CV_SIM), деепричастия предшествования (CV_ANT), инфинитива долженствования (INF-ATTR), гортатива (HORT), юссива (JUSS) и причастия будущего времени (PC_FUT). При добавлении клитики к глагольным формам происходит сдвиг временной перспективы ситуации и/или появляются ирреальные значения, свойственные показателям ретроспективного сдвига. В *Таблице 2* (с. 312–313) сопоставляется семантика этих форм при их независимом употреблении и в сочетании с клитикой *ҫə*.

Таблица 2. Сопоставление глагольных форм с клитикой и без клитики *ҫə*

Table 2. Difference between verbal forms with and without the clitic *ҫə*

Форма	**Без клитики *ҫə* (наиболее релевантные значения)**	**С клитикой *ҫə***
CV_ANT	Глагольная форма, используемая в протасисе условного предложения	Контрфактив и ирреальное условие, ирреальный оптатив

Форма	**Без клитики *ʦə* (наиболее релевантные значения)**	**С клитикой *ʦə***
NPST	Событие в настоящем и будущем	Имперфективное прямозасвидетельствованное событие в прошлом, пермиссивный вопрос, оптатив
CV_SIM	Событие в прошлом	Плюсквамперфект
PC_FUT	Событие в будущем	Пермиссивный вопрос, оптатив
INF-ATTR	Инфинитив долженствования	Оптатив
HORT, JUSS	Гортатив и юссив	Оптатив

В МК клитика *ʦə* не присоединяется к финитной форме прошедшего времени:

(7) *ik* *ɕol* *kajala* *pilëk* *xut* *tort-ən-sa=ʦə* /
два год назад пять раз тянуть-REFL-CV_SIM=COP_PST
**tort-ən-r-əm,* *xal*^{j} *tort-ən-m-a-p*
тянуть-REFL-PST-1SG сейчас тянуть-REFL-NEG-NPST-1SG
‘Два года назад я подтягивался пять раз, сейчас не подтягиваюсь’.

В МК прошедшее время используется для предельных интерпретаций в недавнем прошлом:

(8) *ëner* *ep* *sagər* *seget-re* *tər-d-əm* / **tər-za=ʦə*
вчера я восемь час-LOC встать-PST-1SG встать-CV_SIM=COP_PST
‘Вчера я встала в 8 часов’.

Семантика форм с показателем *ʦə* подробнее рассматривается в следующих разделах статьи.

3.1. Прямозасвидетельствованный имперфектив

Чаще всего непредельные интерпретации предиката в зоне прошедшего выражаются в МК формой деепричастия одновременности на *-sa* (CV_SIM). В МК конверб на *-sa* функционирует как предикат в независимом предложении:

(9) *atɕa-zam* *vɨla-za*
ребенок-PL играть-CV_SIM
'Дети играли'.

При наличии прямой засвидетельствованности вместо формы на *-sa* используется форма непрошедшего времени с клитикой *tɕə*, см. пример (10):

(10) *vəl* *komnat-a* *kër-zen,*
он комната-OBJ войти-CV_ANT
jep *ɕɨru-ja* *ɕëd-e-p=tɕë* / **ɕët-se*
я письмо-OBJ рвать-NPST-1SG=COP_PST рвать-CV_SIM
'Когда он вошел в комнату, я рвала письмо'.

Непрошедшее время в литературном чувашском локализует действие в настоящем или в будущем (если говорящий уверен, что действие непременно свершится) [Павлов 1957: 187]. Это актуально и для МК. В данном случае ретроспективный сдвиг при присоединении к форме непрошедшего времени переносит действие в прошлое[6]. При этом обязательны наличие прямой засвидетельствованности и непредельная интерпретация, как в (11).

(11) *ëner* *es* *olma* *vərl-a-n=tɕə* /
вчера ты яблоко красть-NPST-2SG=COP_PST,
**vərla-za* *ep* *xa-m* *kor-d-əm*
красть-CV_SIM я сам-P_1SG видеть-PST-1SG
'Вчера ты воровал яблоки, я сам видел'.

[6] Также при присоединении клитики к форме непрошедшего времени возможны интерпретации оптатива, пермиссивного вопроса, ирреального условия, см. о них ниже.

Здесь важно отметить, что обычно ситуации с субъектом в первом лице кажутся по умолчанию прямозасвидетельствованными (т. к. восприятие говорящего и является его прямым источником информации). Но, тем не менее, есть ситуации, когда субъект в первом лице совершил что-либо непреднамеренно (например, ‘Я разбила тарелку (случайно, т. к. не увидела ее на столе)’ или ‘Я сломала ноготь’)) или субъект удивляется услышанной информации о себе (‘(Они сказали,) что я богатый! (ложь)’) и прочее [Curnow 2002]. Подобные контексты относятся к косвенной или непрямозасвидетельствованной эвиденциальности.

В эвиденциальной системе МК, в частности, для описания ситуаций, в которых субъект в первом лице действовал неосознанно, используется показатель непрямой засвидетельствованности:

(12) *es* *kër-ze,* *ep* *ɕur-za* / **ɕur-a-p=tɕə*
ты идти-CV_SIM я спать-CV_SIM спать-NPST-1SG=COP_PST
‘Когда ты пришел, я спал’.

Следующие примеры иллюстрируют случаи, в которых использование данной формы невозможно в силу предельной интерпретации предиката (13) или косвенной засвидетельствованности (14), ср. (11).

(13) *ëner* *es* *pilëk* *olma* *vərla-r-ən* /
вчера ты пять яблоко красть-PST-2SG
**vərl-a-n=tɕə,* *ep* *xa-m* *kor-d-əm*
красть-NPST-2SG=COP_PST, я сам-P_1SG видеть-PST-1SG
‘Вчера ты украл 5 яблок, я сам видел’.

(14) *ëner* *es* *olma* *vərla-nə* /
вчера ты яблоко красть-PC_PST
**vərl-a-n=tɕə,* *man* *abi* *kor-d-ë*
красть-NPST-2SG=COP_PST я.GEN мать видеть-PST-3SG
‘Вчера ты воровал яблоки, моя мать видела’ [7].

[7] В этом предложении информант выбрал форму причастия прошедшего времени на *-nə*, которая функционирует в литературном чувашском аналогично форме конверба на *–sa* в верховых диалектах чувашского [Павлов 1957: 197].

В 3 л. мн. ч. ожидаемая форма непрошедшего времени в сочетании с клитикой *ҫə* не используется, и вместо нее выступает форма, формально соотносимая с формой имперфекта в чувашском литературном языке:

(15) **vul-atɕə=ҫə* → *vul-atɕ-əɕ*
читать-NPST.3PL=COP_PST → читать-IPF-3PL
'Они читали'.

(16) *student-sam=da* *poɕ-tar-ən-atɕ-əɕ=ta* /
студент-PL=и собираться-CAUS-REFL-IPF-3PL=и
**poɕ-tar-ən-atɕə=ҫə=da* *park-ra* *ɕyr-etɕ-ёɕ* /
собираться-CAUS-REFL-NPST3PL=COP_PST=и парк-LOC идти-IPF-3PL
**ɕyr-etɕё=ҫё*
идти-NPST3PL=COP_PST
'Бывало, студенты собирались и гуляли в парке (я был свидетелем)'.

Неизвестно, верно ли это для формы 3 л. ед. ч., т. к. форма непрошедшего времени с клитикой *ҫə* омонимична ожидаемой форме имперфекта (*-at=ҫə* (NPST[3SG]=COP_PST) и *-atɕ-ə* (IPF-3SG)).

Остальные личные формы имперфекта не встречаются в МК:

(17) *vul-a-pər=ҫə* / **vul-at-pər*
читать-NPST-1PL=COP_PST читать-IPF-1PL
'Мы читали'.

[Левитская 1976: 65] рассматривает показатель имперфекта (*-at* / *-atɕ* в 3 л.) в диахронии как сочетание аффикса *-a* / *-at*, который идентичен показателю непрошедшего времени, с неправильным экзистенциальным глаголом (**e(r)-*) в прошедшем времени (**-t-*). Учитывая происхождение клитики *ҫə* (см. подробнее *Раздел 2*), мы можем предположить, что диахронически сочетание показателя непрошедшего времени с клитикой *ҫə* (указывающее на прямозасвидетельствованную непредельную ситуацию) аналогично структуре имперфекта. В таком случае присутствие имперфекта в форме 3 л. мн. ч. из литературного чувашского в парадигме формы косвенной

засвидетельствованности с непредельным значением объясняется фонетической избыточностью и фонемной тавтологией формы на *-atɕə=tɕə*; фонетически более удачной выглядит аналогичная форма имперфекта на *-atɕ-əɕ*.

3.2. Плюсквамперфект

Согласно [Павлов 1957: 197], в литературном чувашском существует так называемое «давнопрошедшее категорическое» время. Оно используется для обозначения прошедшего действия, которое предшествует другому действию в прошлом или является уже неактуальным для говорящего. При этом говорящий должен быть очевидцем данных событий. «Давнопрошедшее категорическое» образуется от деепричастия на *-ca / -ce* с помощью глагольных показателей имперфекта. Аффикс имперфекта, как было упомянуто выше, восходит к сочетанию аффикса непрошедшего времени (*-a / -at*) и экзистенциального древнетюркского глагола (**e(r)-*) в прошедшем времени (**-t-*) [Левицкая 1976: 72]. В грамматике [Павлов 1957] также указывается, что дополнительно к форме «давнопрошедшего категорического» в 1 и 2 л. можно присоединять «частицу» *-ччё*:

(18) *Çыр-са-тт-ăн(-ччё).*
писать-CV_SIM-IPF-2SG(-COP_PST)
‘Ты написал было’ .

Однако информация о семантике конструкций с «частицей» и без отсутствует.

Как отмечено в [Savelyev 2020: 28], в литературном чувашском плюсквамперфект также образуется сочетанием формы причастия прошедшего времени на *-nə*[8] и клитики *-(č)čə* («давнопрошедшее неопределенное» у [Павлов 1957]) и указывает на перфективную ситуацию в прошлом с непрямой засвидетельствованностью, см. (19).

[8] Здесь и далее сохраняется запись чувашских предложений и морфем из [Savelyev 2020].

литературный чувашский

(19) *Pəltər* *sad-a* *mulkač* *pï-nə̂-ččə.*
прошлый.год сад-DAT/ACC заяц появиться-PST.PTCP-RETR
‘В прошлом году в саду (видимо) появился заяц’.

В МК форма причастия прошедшего времени на *-nə* в сочетании с клитикой *ʦə* почти не используется. Синтетический плюсквамперфект образуется добавлением *ʦə* к форме конверба на *-sa*, см. примеры (25)–(27) ниже.

Как было упомянуто в *Разделе 3.1*, форма на *-sa* употребляется в МК нефинитно в качестве предиката:

(20) *atʦa-zam* *vɨla-za*
ребенок-PL играть-CV_SIM
‘Дети играли’.

Это, в целом, не свойственно большинству тюркских языков, где конверб в предикативной позиции должен использоваться вместе со вспомогательным финитным глаголом [Johanson 1995]:

киргизский

(21) *Oqu-p* *tu-r-du.*
читать-CONV стоять-TRM.PAST-3.SG
‘Он продолжал читать’.

Й. Бенциг [Benzing 1959: 743–744] отмечает, что для верхового диалекта чувашского характерно использование конверба *-sa* без финитного глагола, и предполагает, что все конвербы отсылают к ситуации, локализованной в прошлом, с актуальным на момент речи результатом.

В МК выбор «чистой» формы на *-sa* не зависит от эвиденциальности (в примере (22) — инференция, (23) и (24) — прямая засвидетельствованность).

(22) *ëner* *kaʥ-ra* *atʦa-zam* *ʥur-za* / **ʥur-za=ʦə,*
вчера вечер-LOC ребенок-PL спать-CV_SIM спать-CV_SIM=COP_PST
mën-ʐën *te-zen* *ʂav-lə* *mar=ʦə*
что-CSL говорить-CV_ANT шум-PROP NEG_ASCR=COP_PST
‘Вчера вечером дети спали, так как было тихо’ (говорящий делает вывод на основе косвенных свидетельств).

(23) *ep maldan vola-za,*
я раньше читать-CV_SIM

xalʲ vol-a-p malala=da vol-a-p
теперь читать-NPST-1SG вперед=ADD читать-NPST-1SG

‘Я читала, читаю и буду читать’.

(24) *ik ɕol kajala pørt lart-sa / *lart-sa=tɕə,*
два год назад дом посадить-CV_SIM посадить-CV_SIM=COP_PST

xalʲ ep onda porən-a-p
теперь я здесь жить-NPST-1SG

‘Два года назад я построил дом, и теперь я там живу’

Глагольная форма на *-sa=tɕə* указывает на действие, которое происходило давно (25), предшествовало другому действию в прошлом (26), было прекращено или результат которого был аннулирован (27). В случае если эти условия не выполняются, использование формы невозможно, ср. (22)–(24). Для выбора этой формы эвиденциальность так же нерелевантна (в примере (25) — косвенная засвидетельствованность, в (26) и (27) — прямая).

(25) *ta-xɕan ta-xɕan jurʲe-zem*
INDEF-когда INDEF-когда песня-PL

xitre jorla-za=tɕə
красивый петь-CV_SIM=COP_PST

‘Давным-давно пели красивые песни’.

(26) *atɕa-zam jor krepoz-a ɕëmër-ze tək-sa=tɕə*
ребенок-PL снег крепость-OBJ ломать-CV_SIM лить-CV_SIM=COP_PST

‘(Когда я проходил мимо, я увидел, что) дети сломали / доломали снежную крепость’.

(27) *ik ɕol kajala pørt lart-sa=tɕə,*
два год назад дом посадить-CV_SIM=COP_PST

xalʲ vəl ɕok
теперь он NEG_EX

‘Два года назад я построил дом, сейчас его уже нет’.

3.3. Контрфактив и ирреальное условие

В протазисе условного предложения, как правило, используется форма деепричастия предшествования на *-san*/*-sen*. Для выражения ирреального следствия в условной конструкции (28) и контрфактивного (29) условия глагольная форма в аподозисе присоединяет клитику *ʦə*. Данная форма обязательна в аподозисе.

(28) *es* *ɨran* *kil-në* *pol-zan*
ты завтра идти-PC_PST быть-CV_ANT
jep *kokəlʲ* *pëʑer-e-p=ʦë*
я пирог готовить-NPST-1SG=COP_PST
‘Если бы ты завтра пришел, я бы приготовил пирог’.

(29) *ëner* *petʲə* *xola-ja* *kaj-za=ʦə*
вчера Петя город-OBJ идти-CV_SIM=COP_PST
‘Вчера Петя поехал бы в город (, но он заболел).’

3.4. Оптатив

В сочетании с некоторыми глагольными формами показатель *ʦə* может также выражать значения оптатива, см. *Таблицу 3* (с. 321).

(30) *miʂə* *xola-ja* *kaj-zan=ʦə*
Миша город-OBJ ехать-CV_ANT=COP_PST
‘Если бы только Миша поехал в город!’

(31) *per-ën* *telej-lë* *pol-as=ʦə*
мы-GEN счастье-PROP быть-PC_FUT=COP_PST
‘Вот бы мы были счастливы’.

(32) *vot* *xalʲ* *ɕur-ma-la=ʦə*
вот сейчас спать-INF-ATTR=COP_PST
‘Вот бы сейчас поспать’.

(33) *telej-lë* *pol-ar* / [OK]*pol-ar=tɕə*
счастье-PROP быть-HORT.1PL быть-HORT.1PL=COP_PST
‘Пусть мы будем счастливы!’

Таблица 3. Формы с оптативной семантикой

Table 3. Forms with optative semantics

Формы	**Оптативная семантика с *tɕə***	**Оптативная семантика без *tɕə***
CV_ANT	+	–
PC_FUT	+	–
INF-ATTR	+	–
HORT.1SG	%	
HORT.1PL [9]	%	%
IMP.2SG [10]		–
IMP.2PL		–
JUSS.3SG	%	+
JUSS.3SPL	%	+
NPST	+	–

Таблица устроена следующим образом: в первом столбце представлены глагольные формы, во втором и третьем указывается возможность для них оптативного значения. В таблице используются следующие обозначения: «+» — выражение оптатива возможно, «–» — невозможно, «%» — данные контексты были разрешены только частью информантов, зачеркнутые клетки — данных форм не существует.

[9] Особенность данного примера в том, что формы гортатива большинством носителей оцениваются как литературные. Форма гортатива мн. ч. с показателем *tɕə* также оценивается как грамматичная не всеми носителями

[10] Несмотря на то, что формы императива изолированно не выражают оптатив, а также не сочетаются с *tɕə*, они были включены в эту таблицу, для сравнения с формами гортатива и юссива.

Стоит отметить, что в литературном чувашском перечисленные формы не могут выражать значение оптатива, ср. (34) и (35).

литературный чувашский

(34) *Миша* *кăнтăр-ла-хи* *апат* *çи-ет-ччĕ*
Миша полдень-ATTR-ATTR_TEMP обед есть-NPST.3SG=COP_PST
i. ‘Миша пообедал’.
ii. *‘Вот бы Миша пообедал’.

(35) *miʂə* *kəndər-la-xi* *abat* *ɕiet=ʦëë*
Миша полдень-ATTR-ATTR_TEMP обед есть-NPST.3SG=COP_PST
i. ‘Миша пообедал’.
ii. ‘Вот бы Миша пообедал’.

В литературном чувашском для выражения значений из оптативной зоны используется специализированная парадигма. Н. И. Ашмарин называет данные формы «уступительно-желательным наклонением» [Ашмарин 1898: 294], в то время как в [Павлов 1957: 210] отмечено, что форма «желательного наклонения» образуется «от уступительного наклонения путем присоединения к формам последнего частицы -*ччĕ* ⟨…⟩ придающей глаголам в некоторых формах значение усилительного желания совершить какое-нибудь действие» и имеет свою парадигму, см. *Таблицу 4*.

Таблица 4. Парадигма глагола в желательном наклонении в литературном чувашском [Павлов 1957: 211]

Table 4. Paradigm of the verb in optative in Standard Chuvash [Павлов 1957: 211]

	Ед. ч.	**Мн. ч.**
1 л.	*çыр-ăп-ин=ччĕ* писать-NPST.1SG-CONC=COP_PST	*çыр-ăпăр-ин=ччĕ* писать-NPST.1PL-CONC=COP_PST
2 л.	*çыр-ăс-ăн=ччĕ* писать-CONC-NPST.2SG=COP_PST	*çыр-ăс-ăр=ччĕ* писать-CONC-NPST.2PL=COP_PST
3 л.	*çыр-ин=ччĕ* писать-CONC=COP_PST	*çыр-еç-ин=ччĕ* писать-NPST.3PL-CONC=COP_PST

В МК данные формы признаются не всеми носителями[11] (см. пример (36)), и их заменяют формы из *Таблицы 3*.

(36) *vəl* *xola-ja* **kaj-in=ʦë* / OK*kaj-ma-la=ʦə*
он город-OBJ ехать-CONC=COP_PST ехать-INF-ATTR=COP_PST
'Вот бы он в город поехал'.

3.5. Пермиссивный вопрос

Помимо значений, описанных выше, клитика *ʦə* может также выражать значение пермиссивного вопроса (вопроса, выражающего просьбу о разрешении совершить действие). Значение пермиссивного вопроса может быть выражено при присоединении *ʦə* к формам гортатива (HORT), юссива (JUSS), непрошедшего времени (NPST) и причастия будущего времени (PC_FUT).

(37) *ep* *kaj-am=ʦə* *xola-ja*
я ехать-HORT.1SG=COP_PST город-OBJ
'Можно я поеду в город?'

(38) %*per* *kaj-ar=ʦə* *xola=ja*
мы ехать-HORT.1PL=COP_PST город-OBJ
'Можно мы поедем в город?'

(39) *per-ën* *telej-lë* *pol-as=ʦə*
мы-GEN счастье-PROP быть-PC_FUT=COP_PST
'Можно мы будем счастливыми?'

(40) —*ɨran* *miʂə* *maskva-ja* *kaj-at=ʦə*
завтра Миша Москва-OBJ ехать-NPST.3SG=COP_PST
—*jorat* *pustʲ* *kaj-at*
ладно пусть ехать-NPST.3SG
'— Можно Миша поедет завтра Москву?
— Ладно, пусть поедет'.

[11] Теми, кто признает эти формы возможными, они оцениваются как литературные.

Важно отметить, что конструкция с *ʨə* не употребляется при обычном вопросе. В данном случае будет употребляться вопросительный маркер *i*/*j*, ср. примеры (40) и (41).

(41) — *ɨran* *miʂə* *maskva-ja* *kaj-ad=i* /
завтра Миша Москва=OBJ ехать-NPST.3SG=Q
**kaj-at=ʨə*
ехать-NPST.3SG=COP_PST
— *ɕok* *ɨran* *vəl* *ëɕl-et*
нет завтра он работать-NPST.3SG
‘— А Миша поедет завтра Москву?
— Нет, он завтра работает’.

Как отмечено в [Mithun 1995: 377; Добрушина 2009: 299], формы с ирреальной семантикой употребляются в вопросах и в других языках. Например, в русском языке частица *бы* может входить в конструкцию, выражающую вежливый вопрос. Так, в [Там же] отмечено, что русское сослагательное наклонение в сочетании с отрицанием и/или модальными словами может выражать вежливое побуждение, которое реализуется в форме вопроса (‘Не могли бы Вы зайти попозже?’).

Вероятно, функция, сходная с данной, также реализуется в литературном чувашском, в котором клитика *ʨə* используется для смягчения императива, гортатива и юссива, см. примеры (42)–(44). Как было отмечено в *Разделе 1*, в МК частица *ʨə* с формами императива не сочетается.

литературный чувашский
(42) *Хула-на* *кай-дăр=ччĕ.*
город-OBJ ехать-JUSS.3SG=COP_PST
‘Ну пусть он поедет в город’. {Я надеюсь, что он поедет в город}

(43) *Хула-на* *кай-ар=ччĕ.*
город-OBJ ехать-HORT.1PL=COP_PST
‘Поедем-ка мы в город’.

(44) *Хула-на* *кай-ăр=ччĕ.*
город-OBJ ехать-IMP.2PL=COP_PST
‘Поезжайте-ка в город’.

4. Контрастивный фокус

В МК клитика *ʦə* развила еще одно употребление, не свойственное литературному языку — она используется в качестве маркера контрастивного фокуса, присоединяясь к именным и местоименным формам, см. пример (45).

(45) *petʲə=ʦə* *paxʦa-ra* *ёʦl-et*
Петя-COP_PST огород-LOC работать-NPST.3SG
'Именно Петя работает в огороде {а не кто-то другой}'.

В литературном чувашском *ʦə* не выполняет данную функцию, ср. пример (46).

литературный чувашский
(46) **Петя=ччĕ* *пахча-ра* *ĕçл-ет*
Петя=COP_PST огород-LOC приезжать-NPST.3SG
Ожид.: 'Именно Петя работает в огороде'.

Для выражения многих фокусных значений и в МК, и в литературном чувашском используется эмфатическая частица *-ak*, см. примеры (47) из МК и (48) из литературного чувашского.

(47) *petʲ-ak* / OK*petʲə=ʦə* *paxʦa-ra* *ёʦl-et*
Петя-EMPH Петя-COP_PST огород-LOC работать-NPST.3SG
'Именно Петя работает в огороде'.

литературный чувашский
(48) *Лещенко* *мар,* *Кобзон-ах* *кил-нĕ*
Лещенко NEG Кобзон-EMPH приезжать-PC_PST
'Не Лещенко, а именно Кобзон приехал'.

Как отмечено в [Закирова 2019], рефлексы данной частицы встречаются и в других языках Поволжья[12]. В работе [Козлов 2017]

[12] «<в> чувашском (*=ax* / *=ex*), луговом марийском (*=ak*, в некоторых говорах *=ok*), горномарийском (*=ok*), татарском (*=uk* / *=ük*), башкирском (*=uk* / *=ük*) и удмуртском (*=ik*)» [Закирова 2019: 4].

предлагается анализ частицы в горномарийском языке (там она выглядит как *=ok*).

Согласно [Козлов 2017], «<п>рисоединяясь к референциальным выражениям (т. е. неквантифицированным именным группам), <=ok> обычно переводится на русский одной из трех следующих частиц: же “присоединительное”[13], именно или все-таки» [Козлов 2017: 242].

Показатель *ʦə*, в отличие от *-ak*, может употребляться только в контекстах со значением ‘именно’ [Закирова 2017], ср. примеры (49)–(51).

Антиаддитивный фокус (*же* «присоединительное»)

(49) а. *maşə paxʦa-ra ëɕl-et aʦa-zam-ba=da*
М. огород-LOC работать-NPST.3SG ребенок-PL-INS=ADD
maş-ak lar-at
М.-EMPH сидеть-NPST.3SG
‘В огороде работает Маша, с детьми сидит Маша же’.

б. **maşə paxʦa-ra ëɕl-et aʦa-zam-ba=da*
М. огород-LOC работать-NPST.3SG ребенок-PL-INS=ADD
maşə=ʦə lar-at
М.=COP_PST сидеть-NPST.3SG
Ожид.: ‘В огороде работает Маша, с детьми сидит Маша же’.

Эмфатический приглагольный фокус (*всё-таки*)

(50) *ep ɕørbe ɕ-e-b-ek* / #*ɕ-e-p=ʦə*[14]
я суп есть-NPST-1SG-EMPH есть-NPST-1SG=COP_PST
‘Я все-таки ем суп’.

---

[13] В [Козлов 2017: 242] контексты, которые обслуживает *же* «присоединительное», называются антиаддитивными (анализируются как имеющие следующую пресуппозицию: «относительно референта фокусной альтернативы верно еще одно свойство, кроме того, о котором говорится в высказывании.

[14] Данный пример с формой непрошедшего времени и показателем копулы прошедшего времени может иметь интерпретации оптатива ‘Вот бы мне поесть суп’, пермиссивного вопроса (‘Можно я поем суп?’), а также значение прошедшего непредельного прямозасвидетельствованного действия (‘Я ел суп’), см. *Раздел 3*.

Для частицы *-ak* важно, чтобы референт именной группы был задан, и обязательна пресуппозиция данности (т. е. референт должен быть введен в дискурс заранее и оставаться активированным), а также пресуппозиция исчерпанности [Kozlov 2018; Закирова 2019]. Это же верно и для *ʦə*. Так, в примере (51) невозможно употребление фокусных маркеров.

(51) *temle* *student-(*ak)* / *student=(*ʦë)* *ku*
какой-то студент-EMPH студент=COP_PST этот
teorim-in-e *dokazatʲ* *tu-za*
теорема-P_3-OBJ доказать делать-CV_SIM
‘Какой-то студент доказал эту теорему’.

Следует также отметить, что показатель *ʦə*, в отличие от маркера *-ak* возможен только в условиях контраста и прямой засвидетельствованности, ср. (52) и (53):

(52) *kobzon-ak* / **kobzon=ʦə* *kil-ze*
Кобзон-EMPH Кобзон-COP_PST приезжать-CV_SIM
‘Именно Кобзон приехал’.

(53) *leɕenko* *mar,* *kobzon=ʦə* *kil-ze*
Лещенко NEG Кобзон=COP_PST приезжать-CV_SIM
i. ‘Не Лещенко, а именно Кобзон приехал’. {Я сам видел}
ii. *‘Не Лещенко, а именно Кобзон приехал’. {Но я сама не видела.}

Мы также отметим, что показатель *ʦə* не может выражать контрастивный топик (о контрастивном топике и его отличии от фокуса см. [Büring 2016]), см. пример (54).

(54) — *vzam* *əsta* *kaj-atʦə* *petʲə* / **petʲə=ʦə*
они куда ехать-NPST.3PL Петя Петя=COP_PST
xola-ja *kaj-at*
город-OBJ ехать-NPST.3SG
‘— Куда они едут?
— [Петя]$_{CT}$ едет [в город]$_{F}$’

5. Позиция клитики

В разделах выше мы показали, что клитика *ʦə* может присоединяться к предикату, а также к контрастивной фокусной непредикативной составляющей.

В данном разделе мы рассмотрим ограничения на присоединение *ʦə* к непредикативной составляющей (*Раздел 5.1*), а также случаи, когда в предложении употребляются несколько показателей *ʦə* (*Раздел 5.2*).

5.1. Ваккернагелевская позиция

Как отмечалось выше, клитика *ʦə* может присоединяться не только к предикату. Так, мы выявили, что она может занимать две позиции: после предиката и ваккернагелевскую (позицию после первой составляющей клаузы). Следующие примеры показывают, что в МК клитика *ʦə* допускает позицию после первой (55а), (56а), однако, как правило, не после второй (55б), (56б) непредикативной составляющей.

(55) а. *miṣə=ʦə* *xola-ja* *kaj-za*
Миша=COP_PST город-OBJ идти-CV_SIM

б. **xola-ja* *miṣə=ʦə* *kaj-za*
город-OBJ Миша=COP_PST идти-CV_SIM
‘Именно Миша ездил в город’.

(56) а. *xola-ja=ʦə* *miṣə* *kaj-za*
город-OBJ=COP_PST Миша идти-CV_SIM

б. **miṣə* *xola-ja=ʦə* *kaj-za*
Миша город-OBJ=COP_PST идти-CV_SIM
‘Миша ездил именно в город’.

Позиция после второй составляющей возможна в том случае, если ей предшествует пауза, ср. (56б) и (57).

(57) *miṣə* # *xola-ja=ʦə* *kaj-at*
Миша город-OBJ=COP_PST ехать-NPST.3SG
‘Миша в город именно поедет’.

Позиция после первой составляющей возможна для клитики *ʦə* не только в значении контрастивного фокуса, но также в функции копулы и оптативного маркера.

При неглагольной предикации *ʦə* также может занимать как позицию после предиката, так и ваккерангелевскую позицию после узкого фокуса, ср. (58а–б) и (59а–б). Так, в (58) присоединять показатель *ʦə* может и предикат, и фокусная составляющая. В случае же если предикат находится в фокусе, присоединять показатель *ʦə* может только он, как в (57).

(58) а. *ЕВЁ=ʦЁ* *xola-ra*
я=COP_PST город-LOC

б. *ЕВЁ* *xola-ra=ʦə*
я город-LOC=COP_PST
{Кто был в городе?} ‘Я был в городе’.

(59) а. *ebë* *XOLA-RA=ʦə*
я город-LOC=COP_PST

б. **ebë=ʦë* *XOLA-RA*
я=COP_PST город-LOC
{Где ты был?} ‘Я был в городе’.

Как и при глагольной предикации, *ʦə* может присоединяться только к первой составляющей, см. пример (60).

(60) **ebë* *xitre=ʦë* *xola-ra*
я красивый=COP_PST город-LOC
Ожид.: ‘Я была в именно красивом городе’.

Допустимость присоединения клитизованной копулы не только к предикату, но и к составляющей в узком фокусе находит типологическую параллель в мокшанском языке, см. [Kholodilova 2016].

Стоит отметить, что в литературном чувашском возможно присоединение клитики только к предикату и невозможно присоединение к фокусной составляющей, ср. примеры (61а–б) и (62а–б).

литературный чувашский

(61) а. **Эпĕ=ччĕ хула-ра*
я=COP_PST город-LOC

б. *Эпĕ хула-ра=ччĕ*
я город-LOC-COP_PST
{Кто был в городе?} ‘Я был в городе’.

(62) а. *Эпĕ хула-ра=ччĕ*
я город-LOC=COP_PST

б. **Эпĕ=ччĕ хула-ра*
я=COP_PST город-LOC
{Где ты был?} ‘Я был в городе’.

Допустимость ваккернагелевской позиции в оптативном контексте показывает пример (63).

(63) *miʂə=ʦə xola-ja kaj-at*
Миша=COP_PST город-OBJ ехать-NPST.3SG
‘Вот бы именно Миша поехал в город’.

Как было отмечено в *Разделе 3.4*, показатель *ʦə* выражает оптативную семантику не только в сочетании с формой непрошедшего времени, как в примере (63), но и в сочетании с рядом других глагольных форм. Однако, поскольку остальные глагольные формы и изолированно могут выражать значение оптатива или близкое к нему, для них оказывается сложно определить, выступает ли в примере показатель *ʦə* в составе глагольной формы или же в качестве показателя контрастивного фокуса.

Невозможность ваккернагелевской позиции *ʦə* в контекстах ирреального и контрфактивного условия (64), пермиссивного вопроса (65) и прямозасвидетельствованного ретроспективного сдвига (66) показана в примерах ниже.

(64) *es ɨran kil-në pol-zan jep=ʦë kokəlʲ
ты завтра идти-PC_PST быть-CV_ANT я=COP_PST пирог
pëzer-e-p
готовить-NPST-1SG
Ожид.: ‘Если бы ты завтра пришел, я бы приготовил пирог’.

(65) *ep=ʦë kaj-am xola-ja
я=COP_PST ехать-HORT.1SG город-OBJ
Ожид.: ‘Можно я поеду в город?’

(66) *miʂə=ʦə xola-ja kaj-at
Миша=COP_PST город-OBJ ехать-NPST.3SG
Ожид.: ‘Миша ездил в город’.

Таким образом, при присоединении к первой непредикативной составляющей в клаузе *ʦə* может выполнять функцию копулы и выражать значение оптатива или контрастивного фокуса, но не может выполнять других функций. Данные о возможном расположении клитики обобщены в *Таблице 5*.

Таблица 5. Положение клитики

Table 5. Clitic position

Функция	**Положение клитики**	
	На предикате	**На непредикативной составляющей**
1. Копула	+	+
2. Оптатив	+	+
3. Ирреальное и контрфактивное условие	+	–
4. Пермиссивный вопрос	+	–
5. Прямозасвидетельствованный ретроспективный сдвиг	+	–
6. Контрастивный фокус	–	+

5.2. Наличие нескольких *ʦə* в одном предложении

Как отмечалось в начале данного раздела, в МК возможно употребление нескольких показателей *ʦə* в одном предложении. В данном случае у клитики также возможны две позиции: ваккернагелевская и после глагола. Так, в (67) один из показателей, вероятно, маркирует фокус, а другой — либо оптатив, либо прямозасвидетельствованное прошедшее, либо пермиссивный вопрос.

(67) *miʂə=ʦə* *xola-ja* *kaj-at=ʦə*
Миша=COP_PST город-OBJ ехать-NPST.3SG=COP_PST

i. ‘Пусть именно Миша в город поедет’.
ii. ‘Именно Миша ездил в город’.
iii. ‘Можно именно Миша поедет в город?’

6. Выводы

Таким образом, были выявлены следующие употребления показателя *ʦə* в МК:

— копула прошедшего времени;
— прекращенное прошлое;
— аннулированный результат;
— прямозасвидетельствованный имперфектив;
— ирреальное и контрфактивное условие;
— оптатив;
— пермиссивный вопрос;
— контрастивный прямозасвидетельсвованный фокус.

Показатель *ʦə* имеет функции, схожие с функциями клитик *ə̂l’ə̂* / *ə̂lə̂n* в ареально близком горномарийском, которые также выражают антирезультатив, прекращенное прошлое и, помимо этого, маркируют миративность [Mordashova 2017], чего не было замечено в МК.

И чувашская и горномарийские клитики этимологически представляют собой застывшие формы прошедшего времени глагола ‘быть’ [Mordashova 2017].

Согласно [Сичинава 2018], показатели плюсквамперфекта часто помимо своей «основной» функции маркирования давнопрошедшего времени также выступают и в других контекстах. Так, функции, которые выполняет показатель *ҫə*, находят типологические параллели во многих языках:

● Ирреальное значение ретроспективного сдвига

Употребление в конструкциях со «значением ирреального (контрфактивного) условия» является одним из наиболее типологически распространенных значений плюсквамперфекта, [Сичинава 2018: 33–37]. Например, в английском языке формы плюсквамперфекта используются также и в ирреальных условных конструкциях, см. пример (68).

(68) *If the boy had got the money yesterday, he would have bought a present for a girl.*

Русская частица *бы*, используемая в протазисе и аподозисе ирреальных условий, изначально имела плюсквамперфектное значение, потом грамматикализовалась в показатель условного наклонения [Сичинава 2018: 34].

О причинах грамматикализации показателей плюсквамперфекта в маркеры ирреалиса см. [Steele 1975: 200; Dahl 1997; Плунгян 2004], а также разбор этих теорий в [Сичинава 2013: 36].

● Вежливость

Также часто происходит грамматикализация маркеров плюсквамперфекта в показатели вежливости и смягчения категоричности.

См. пример из языка волоф [Church 1981], приведенный в [Сичинава 2013]:

волоф (атлантические)

(69) *loo beg-oon*?
‘Чего бы вам хотелось?’ (‘что вам угодно?’ ‘qu’est-ce que vous aimeriez?’)

В литературном чувашском языке при присоединении к формам императива, гортатива и юссива показатель *ҫӑ* маркирует смягченный вежливый императив, однако в МК данную функцию клитика не выполняет.

● Фокус

В [Heine, Kuteva 2002: 96] отмечено, что грамматикализация фокусных маркеров из копул происходит и в ряде других языков мира. Так, в креолах копулы с референцией к третьему лицу, функционирующие как матричный предикат в клефтовой конструкции, начинают интерпретироваться как маркеры новой информации, а затем и фокуса.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ATTR_TEMP — темпоральный аттрибутивизатор; COP_PST — копула прошедшего времени; CV_ANT — деепричастие предшествования; CV_SIM — деепричастие одновременности; HORT — гортатив; IMP — императив; INF — инфинитив; INF_ATTR — инфинитив долженствования; JUSS — юссив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объект; PC_FUT — причастие будущего времени; PC_PST — причастие прошедшего времени; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Ашмарин 1898 — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.

Добрушина 2009 — Н. Р. Добрушина. Семантика частиц *бы* и *б* // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 283–313.

Закирова 2019 — А. Н. Закирова. Частицы эмфатической идентичности в поволжском языковом союзе. Дипломная работа. М.: МГУ, 2019.

Козлов 2017 — А. А. Козлов. Горномарийская частица =*ok* и грани эмфатической идентичности // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. Вып. 4. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2017. С. 240–254.

Левитская 1976 — Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.

Павлов (отв. ред.) 1957 — И. П. Павлов (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю. А. Ландер, В. А. Плугнян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис. С. 273–291.

Сергеев 1963 — Л. П. Сергеев. Некоторые материалы для диалектологического атласа чувашского языка // Г. Е. Корнилов (ред.). Материалы по чувашской диалектологии. Вып. II. Чебоксары: Чувашское государственное изд-во, 1963. С. 101–109.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Сичинава 2018 — Д. В. Сичинава. Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения // Rhema. Рема. 2018. № 1. С. 82–101.

Büring 2016 — D. Büring. (Contrastive) topic // C. Féry, S. Ishihara (eds.). The Oxford Handbook of Information Structure. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 64–85.

Church 1981 — E. Church. Le système verbal du wolof. Dakar: CLAD, 1981.

Curnow 2002 — T. J. Curnow. Types of interaction between evidentials and first-person subjects // Anthropological Linguistics. 2002. Vol. 44. No. 2. P. 178–196.

Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: A new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On Conditionals Again. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 97–114.

Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/CBO9780511613463.

Johanson 1995 — L. Johanson. On Turkic converb clauses // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in Cross-linguistic Perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313–347. DOI: 10.1515/9783110884463-010.

Kholodilova 2016 — M. Kholodilova. Moksha non-verbal predication // K. Shagal, H. Arjava (eds.). Mordvin Languages in the Field. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 229–260.

Mithun 1995 — M. Mithun. On the relativity of irreality // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 367–388. DOI: 10.1075/tsl.32.16mit.

Mordashova 2017 — D. Mordashova. Hill Mari verbal constructions with *âl'ə̂ / âlə̂n*: Discontinuous past and beyond // K. Bellamy, A. Ionova, G. Saad (eds.). ConSOLE XXV. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2017. P. 297–310.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung. 2006. Vol. 59. No. 4. P. 317–349. DOI: 10.1524/stuf.2006.59.4.317.

Savelyev 2020 — A. Savelyev. Chuvash and the Bulgharic languages // M. Robbeets, A. Savelyev (eds.). The Oxford Guide to the Transeurasian Languages. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 446–464. DOI: 10.1093/oso/9780198804628.003.0028.

Steele 1975 — S. Steele. Past and irrealis: Just what does it all mean? // International Journal of American Linguistics. 1975. Vol. 41. No. 3. P. 200–217. DOI: 10.1086/465362.

References

Ashmarin 1898 — N. I. Ashmarin. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka* [Materials for the Study of the Chuvash Language]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1898.

Büring 2016 — D. Büring. (Contrastive) topic. C. Féry, S. Ishihara (eds.). *The Oxford Handbook of Information Structure.* Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 64–85.

Church 1981 — E. Church. *Le système verbal du wolof.* Dakar: CLAD, 1981.

Curnow 2002 — T. J. Curnow. Types of interaction between evidentials and first-person subjects. *Anthropological Linguistics*. 2002. Vol. 44. No. 2. P. 178–196.

Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: A new look. A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 97–114.

Dobrushina 2009 — N. R. Dobrushina. Semantika chastits *by* i *b* [Semantics of particles *by* and *b*]. K. L. Kiseleva, V. A. Plungian, E. V. Rahilina, S. G. Tatevosov (eds.). *Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus Studies on Russian Grammar]. Moscow: Probel, 2009. P. 283–313.

Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/CBO9780511613463.

Johanson 1995 — L. Johanson. On Turkic converb clauses. M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313–347. DOI: 10.1515/9783110884463-010.

Kholodilova 2016 — M. Kholodilova. Moksha non-verbal predication. K. Shagal, H. Arjava (eds.). *Mordvin Languages in the Field.* Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 229–260.

Kozlov 2017 — A. A. Kozlov. Gornomariyskaya chastitsa *=ok* i grani emfaticheskoy identichnosti [Hill Mary particle *=ok* and emphatic identity edges]. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Typology of Morphosyntaclic Parameters. Materials of the International Conference]. Vol. 4. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute, 2017. P. 240–254.

Levitskaya 1976 — L. S. Levitskaya. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka* [Historical Morphology of the Chuvash Language]. Moscow: Nauka, 1976.

Mithun 1995 — M. Mithun. On the relativity of irreality. J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in Grammar and Discourse*. Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 367–388. DOI: 10.1075/tsl.32.16mit.

Mordashova 2017 — D. Mordashova. Hill Mari verbal constructions with *ə̂l'ə̂ / ə̂lə̂n*: Discontinuous past and beyond. K. Bellamy, A. Ionova, G. Saad (eds.). *ConSOLE XXV*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics Press, 2017. P. 297–310.

Pavlov (ed.) 1957 — I. P. Pavlov (ed.). *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka* [Materials on the Grammar of the Modern Chuvash Language]. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1957.

Plungian 2001 — V. A. Plungian. Antirezultativ: do i posle rezultata [Antiresultative: Before and after result]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the Theory of Grammar]. Iss. 1: *Glagolnyye kategorii* [Verbal Categories]. Moscow: Russkiye slovari, 2001. P. 50–88.

Plungian 2004 — V. A. Plungian. O kontrafakticheskikh upotrebleniyakh plyuskvamperfekta [On counterfactual uses of pluperfect]. Y. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the Theory of Grammar]. Iss. 3: *Irrealis i irrealnost* [Irrealis and Irreality]. Moscow: Gnozis, 2004. P. 273–291.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006. Vol. 59. No. 4. P. 317–349. DOI: 10.1524/stuf.2006.59.4.317.

Savelyev 2020 — A. Savelyev. Chuvash and the Bulgharic languages. M. Robbeets, A. Savelyev (eds.). *The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 446–464. DOI: 10.1093/oso/9780198804628.003.0028.

Sergeyev 1963 — L. P. Sergeyev. Nekotoryye materialy dlya dialektologicheskogo atlasa chuvashskogo yazyka [Some materials for the dialectological atlas of the Chuvash language]. G. E. Kornilov (ed.). *Materialy po chuvashskoy dialektologii* [Materials on Chuvash Dialectology]. Iss. 2. Cheboksary: Chuvashskoye gosudarstvennoye izdatelstvo, 1963. P. 101–109.

Sichinava 2013 — D. V. Sichinava. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskiy plyuskvamperfekt* [Typology of Pluperfect. Slavic Pluperfect]. Moscow: AST-Press, 2013.

Sichinava 2018 — D. V. Sichinava. Chastitsa *bylo*: poryadok slov, semantika i informatsionnaya struktura predlozheniya [Particle *bylo*: Word order, semantics and information structure of sentence]. *Rhema.* 2018. No. 1. P. 82–101.

Steele 1975 — S. Steele. Past and irrealis: Just what does it all mean? *International Journal of American Linguistics.* 1975. Vol. 41. No. 3. P. 200–217. DOI: 10.1086/465362.

Zakirova 2019 — A. N. Zakirova. Chastitsy emfaticheskoy identichnosti v povolzhskom yazykovom soyuze [Particles of emphatic identity in the Volga-Kama sprachbund]. Master's thesis. Moscow: Moscow State University, 2019.